

— Молодой господин, на кухне сварили куриный бульон. Выпейте пиалу горячего супа, — предложил Чжэлю, входя в комнату с подносом в руках.

Едва переступив порог, слуга уловил отчётливый запах гари. Его хозяин стоял у медного таза, наблюдая, как пламя пожирает стопку исписанных листов.

Чжэлю торопливо опустил глаза. Слугам не полагалось даже мельком глядеть на то, что господин предаёт огню.

Убедившись, что последние записи о маленьком обманщике обратились в пепел, Вэнь Шу омыл руки в тёплой воде, услужливо подготовленной слугой, и небрежно приказал:

— Принеси-ка мне большой цветочный горшок.

— Насколько большой, господин? — почтительно склонился Чжэлю.

Вэнь Шу усмехнулся, прищулив глаза:

— Такой, чтобы в него поместился человек.

«Раз уж этот маленький плут назвался цветочным духом, то, когда он наконец попадётся в мои руки, пусть посидит в горшке. Будет ему отличная возможность вжиться в роль».

Чжэлю промолчал, но мысленно опешил.

«Господин, вы уверены, что вам нужен горшок, а не огромный чан для воды?»

Деревня Цинхэ

Ся Чэнь едва не вырвал себе все волосы от досады, но так и не придумал, что подарить обиженному другу в знак примирения. Самым удручающим было то, что после долгих его терзаний Ся Тунбань лениво поинтересовался:

[И как ты собираешься доставить ему этот подарок?]

Ся Чэнь замер.

«Точно...»

В этом мире не существовало повсеместной курьерской доставки. Даже если он выберет идеальную вещь, переправить её Цзыцзяню будет попросту невозможно.

— Но... извиниться-то я всё равно обязан, — пробормотал юноша.

Весь оставшийся день он провёл как на иголках. За ужином, развлекая родных рассказами о Царе Обезьян, Ся Чэнь то и дело косился на цветок-громкоговоритель. Он взмолился, чтобы Ся Тунбань неотрывно следил за растением и сразу же предупредил, если лепестки хотя бы дрогнут.

Однако Цзыцзянь, похоже, не на шутку разозлился. Ся Чэнь прождал всю ночь, но цветок-громкоговоритель оставался безучастным, плотно сомкнув лепестки и не издав ни единого отблеска.

Минуло три дня, но вестей от друга так и не появилось. Ся Чэнь с тоской думал, не выбросил ли Цзыцзянь свой цветок в порыве гнева. Эта мысль заставляла его сердце болезненно сжиматься.

Поделаться он ничего не мог — у него рос всего один такой цветок. Мутировавшие растения были величайшей редкостью. К этому моменту Ся Чэнь высадил почти все свои чудесные семена, полученные за время долгих розыгрышей в системе, но удача улыбнулась ему лишь дважды: так появились вонючий плод и этот самый цветок-громкоговоритель.

Он пытался воссоздать условия, используя ту же почву и воду, что приносил Сюй Хэлай, но из земли упрямо прорастали лишь самые обычные, ничем не примечательные стебли.

С каждым днём молчания Ся Чэнь становился всё мрачнее. Родные заметили его уныние, но он лишь натянуто улыбался и оправдывался тем, что наставник задал слишком сложные уроки. Кое-как это объяснение приняла семья.

На четвёртый день, уныло вздохнув перед безмолвным бутоном, Ся Чэнь отправился в системное пространство собирать созревший урожай, выполнять ежедневные поручения и наводить порядок в запасах. Сначала он убрал урожай арахиса с чудесной земли, а затем бережно опустил в лунку новое чудесное семя.

За последние полгода его хозяйство преобразилось. Если поначалу он собирал около тысячи цзиней зерна, овощей и фруктов в день, то после повышения уровня системы площадь чудесной земли увеличилась вдвое, а вместе с ней удвоился и урожай. То, что ему не слишком нравилось или быстро портилось — вроде кинзы и сельдерея, — юноша продавал системе.

Со временем пришёл опыт, и он разделил угодья на четыре участка. Первый отвёл под дорогие

культуры на продажу, второй засаживал растениями, дающими больше всего опыта для прокачки, третью часть берёг для любимых лакомств, а последнюю — под неприхотливые, долго хранящиеся продукты вроде риса, пшеницы, кукурузы и картофеля. Их он не продавал, а бережно откладывал.

Забивать закрома его заставляла не жадность, а суровая реальность древнего мира. Здесь крестьяне целиком зависели от капризов природы, а государство не спешило приходить на помощь в трудный час. Любая засуха или наводнение мгновенно оборачивались голодом, уносившим тысячи жизней.

Ся Чэнь рассудил, что запас карман не тянет, тем более что в системном пространстве продукты не портились и могли лежать вечно. Он выделил под зерно несколько бездонных ячеек, распределив по видам. Юноша даже не считал точные объёмы, но там наверняка скопилось уже больше ста тысяч цзиней.

Жизнь в пространстве вошла в мирную колею. Запасы росли изо дня в день. Деньги, вырученные за ежедневные задания и продажу излишков, Ся Чэнь расходовал разумно: неприкосновенный запас в пятьдесят золотых всегда оставался нетронутым, а всё, что сверх того, уходило на лотерею, новые семена и редкие книги в системной лавке.

После долгих препирательств с Ся Тунбанем юноше удалось сторговаться и арендовать у системы небольшой клочок земли за грабительские двадцать вэней в день. Туда он тайком протащил деревянный стеллаж, где расставил нехитрую утварь, накопленную за эти месяцы: целый глиняный горшок для варки похлёбок, бамбуковые корзины для мелочей, посуду и палочки для еды.

Вспомнив уроки Дун-гээра, он даже соорудил крошечный глиняный очаг. Рядом аккуратной стопкой лежали дрова — часть он собрал в лесу, а часть потихоньку таскал из домашней поленницы. В пространстве они оставались сухими и всегда были под рукой.

В такие моменты стоило отдать должное щедрости бездонного сундука Ся Тунбаня. Как-то раз Ся Чэню посчастливилось вытянуть целую упаковку обыкновенных спичек — десять коробков в бумажной обёртке. Без этого чуда цивилизации разведение огня превратилось бы в сущую пытку, ведь к капризным древним огнивам он так и не смог привыкнуть.

Все эти пожитки могли оставаться только на арендованном пятачке. Стоило Ся Чэню покинуть пространство, как любые посторонние вещи система автоматически отправляла на склад, а его с трудом вылепленный очаг рассыпался бы в сухую грязь.

Благодаря обустроенному быту возможности юноши заметно расширились. Теперь он частенько варил молодую кукурузу. Семена, предоставленные системой, давали невероятно сладкие початки: их можно было грызть даже сырыми, а уж после варки они и вовсе превращались в изысканное лакомство. Ся Чэнь легко мог уплести несколько штук за раз.

Ещё он приноровился готовить рисовые колобки. Мяса у него не водилось, но, если добавить

внутри сладкую начинку из варёных красных бобов, фиников или сушёной сливы, получалось ничуть не хуже.

С ростом разнообразия культур тридцать стандартных ячеек склада забились до отказа. Скрепя сердце, Ся Чэнь расстался с пятьюдесятью драгоценными камнями, заработанными потом и кровью за достижения, и расширил хранилище ещё на пять слотов, чтобы наконец вздохнуть свободно.

Закончив с делами, юноша омыл руки и взялся за початок варёной кукурузы. Из-за скверного настроения за ужином кусок не лез в горло, но теперь голод всё-таки взял своё.

Не успел он сгрызть и половины, как лепестки цветка-громкоговорителя, молчавшего трое суток, внезапно затрепетали и налились мягким светом. От неожиданности Ся Чэнь вздрогнул, челюсти его судорожно сомкнулись, и передние зубы со страшной силой врезались друг в друга. Вспышка боли ослепила его, а рот мгновенно наполнился солоноватым вкусом крови.

Растерявшись, он коснулся губ пальцами, предчувствуя неладное. Схватив подвернувшийся под руку широкий лист, Ся Чэнь сплюнул кровь. На зелёной поверхности среди алых брызг белел маленький твёрдый осколок.

«Это фто...»

[Пха-ха... Твой передний зуб.]

За все долгие месяцы знакомства Ся Чэнь впервые услышал, как Ся Тунбань не выдержал и откровенно прыснул от смеха. Вот только самому юноше было совсем не до веселья!

Конечно, в последнее время зубы у него слегка шатались — дело житейское для растущего организма. Он ведь проходил через это уже не впервые и держался куда увереннее, чем плачущий при виде каждой выпавшей коронки Нань-гээр.

Но чтобы лишиться зуба, банально подавившись кукурузой?! Это было выше его сил.

— Ся Тунбань, у тебя совешть ешть?! Нашёл время зубошкалить! — Ся Чэнь шепелявил, воздух со свистом прорывался сквозь образовавшуюся прореху.

Вместо грозного упрёка получилось умильное детское лепетание.

Пытаясь сохранить остатки достоинства и продолжая мысленно распекать систему, Ся Чэнь бросился к цветку-громкоговорителю. Он поспешно коснулся лепестков, принимая вызов, но на том конце провода царила глухая, пугающая тишина.

Юноша хотел заговорить первым и принести извинения, но, едва приоткрыв рот, вспомнил о своей потере.

На мгновение им овладел ступор. Осознав всю трагичность положения, он взмолился в своём разуме:

«А-а-а! Ся Тунбань, спасай! Есть у тебя какой-нибудь фильтр для голоса или маскировка речи? Дай мне скорее! И прекрати ржать, иначе я с тобой вообще разговаривать не буду!»

[Прошу хозяина не поддаваться эмоциям. Я высокотехнологичный профессиональный модуль искусственного интеллекта и смеюсь лишь в исключительных случаях. Например, сейчас.]

Заметив, что Ся Чэнь готов взорваться от ярости, система поспешно добавила:

[Настоятельно не рекомендую использовать маскировку. Нынешнее недоразумение — отличный повод растопить лёд в ваших отношениях.]

«Ты это серьёзно?» — усомнился Ся Чэнь, вечно ожидая от своего электронного помощника какого-нибудь подвоха.

[Абсолютно.]

В решающие минуты Ся Тунбань всё же заслуживал доверия. К тому же затягивать паузу дальше было нельзя — Цзыцзянь мог истолковать молчание как пренебрежение и разозлиться ещё сильнее.

— Прости меня, Цзыцзянь, я был неправ... — робко выдохнул в трубку Ся Чэнь.

Договорить ему не дали. На том конце послышался удивлённый голос друга:

— Что у тебя с голосом? Язык прикусил?

Ся Чэнь едва не ухватился за это спасительное объяснение. Уж лучше притвориться, будто он пострадал во время еды, чем признаться, что остался без зуба из-за несчастной кукурузы. Но ведь он только что обещал говорить правду! Снова лгать, когда ты вымаливаешь прощение, было бы верхом глупости.

Юноша замялся и, густо покраснев, пробормотал едва слышно:

— Зубы меняются... Передний выпал.

В ответ раздалось отчётливое прысканье:

— Кхм... Пф-ф.

— И ты туда же! — Ся Чэнь был готов сквозь землю провалиться от стыда.

— «Тоже»? Кто-то ещё успел повеселиться? Твоя разумная трава?

Вэнь Шу умышленно держал паузу трое суток, чтобы дать своему маленькому обманщику немного помучиться. Обладая мягким и совестливым нравом, тот наверняка извлёк урок и переосмыслил своё поведение. Сам Вэнь Шу никогда не отличался кротостью и в подобной ситуации повёл бы себя куда жёстче, но это лишь разжигало в нём желание подразнить своего подопечного.

Раз уж этот глупыш назвался его цветочным духом, а он опекал его целых полгода — значит, так тому и быть. Даже если дух на поверку оказался обычным человеком, он всё равно останется его собственностью.

Выждав положенный срок и рассудив, что парень достаточно созрел для разговора, Вэнь Шу коснулся лепестков. Ся Чэнь, как и ожидалось, ответил мгновенно, но почему-то не спешил начинать диалог.

Пока Вэнь Шу размышлял, не случилось ли чего, из цветка донеслось неразборчивое, шепелявое лепетание.

Он действительно не собирался смеяться! Честное слово. Но вообразив картину беззубого собеседника... сдержать улыбку было свыше человеческих сил.

Ся Чэнь же не на шутку перепугался от этого небрежного замечания. Они не общались всего три дня, и он раскрыл только человеческую сущность. Откуда Цзыцзянь узнал про Ся Тунбаня?! Неужели система тоже рассекречена?

— Д-да... Именно он, — запнулся юноша, растеряв всю уверенность.

— Ха-ха-ха! — Вэнь Шу откинулся на подушки, утыкаясь лицом в ладонь.

Его плечи мелко дрожали. Он собирался устроить маленькому лжецу строгий допрос и призвать к ответу, но вся напускная суровость растаяла без следа. Стоило Ся Чэню открыть рот, как его затапливало новой волной веселья.

Лицо Ся Чэня пылало ярче, чем лепестки сияющего бутона. Сгорая от стыда и злости, он выпалил:

— Чего смеёшься?! Будто у шамого в детстве зубы не выпадали!

У Ся Тунбаня зубов отродясь не водилось, так что отыграться на нём не получалось. Но Цзыцзяню уже исполнилось двенадцать, он точно должен был пройти через этот позорный этап!

— Выпадали, конечно, — вкрадчиво отозвался Вэнь Шу. — Но мои уже отросли и встали на место. Так что я могу потешаться над тобой с чистой совестью и не бояться ответных насмешек.

Ся Чэнь онемел от возмущения.

«Каков наглец!» — пронеслось в его мыслях, пока к глазам подступали слёзы обиды.

<http://bllate.org/book/18260/1759206>